ВОЗЗРѢНІЯ

РУССКАГО НАРОДА НА ЛИЧНОСТЬ ЦАРЯ ВЪ БЫЛЕВОЙ ПОЭЗІИ.

Рѣчь, произнесенная 17 октября въ торжественномъ собраніи Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго общества профессоромъ Кіевской духовной академіи.

В. Н. Малининымъ.

КІЕВЪ.
Высочайше утвержденное
Т-во печ. дѣла и торг. И. Н. Кушнеревъ и К°. въ Москвѣ.
Кіевское Отдѣленіе, Бибиковскій бульваръ, домъ № 8 б.
1890.

2007099385

Воззрѣнія русскаго народа на личность царя въ былевой поэзіи.

Рѣчь, произнесенная 17 октября въ торжественномъ собраніи Кіевскаго Славянскаго благотворительнаго общества профессоромъ Кіевской духовной академіи В. Н. Малининымъ.

17 день октября останется навсегда достопамятнымъ днемъ въ лѣтописяхъ нашего отечества. Въ этотъ день промыслъ Божій показалъ свое благоволеніе къ народу русскому въ лицѣ Своего Помазанника, которому вручилъ охрану русскаго царства, вѣрилъ осуществленіе историческаго призванія русской народности. Поэтому мы предметомъ настоящей рѣчи избрали выясненіе воззрѣній русскаго народа на личность Царя, насколько воззрѣнія эти отразились въ такъ называемой былевой поэзіи. Поэзія эта сохранилась теперь лишь въ небольшихъ сравнительно остаткахъ. Тѣмъ важнѣе прислушаться къ содержанію былевыхъ пѣсенъ, какъ голосу «старины глубокой». Мы имѣемъ здѣсь въ виду собственно былины, такъ называемаго, кіевскаго цикла. Былины эти, конечно, не оста-

лись неизмѣнными, потерпѣли отъ времени, какъ достояніе живого, развивающагося народа; но съ тѣмъ вмѣстѣ не только можно, но и должно допустить, что основы былевыхъ пересказовъ коренятся въ старобылыхъ понятіяхъ и издавнихъ бытовыхъ преданіяхъ русскаго народа. Одинъ изъ лучшихъ собирателей былинъ, Гильфердингъ, замѣчаетъ, что современные русскіе пѣвцы или сказатели былинъ никогда не прибѣгаютъ къ сочинительству, стараются пѣть такъ, какъ пѣвали ихъ отцы, дѣды или учителя. Если бы память въ чемъ либо имъ измѣнила, то они или пропускаютъ, или разсказываютъ словами, но никогда не рѣшаются восполнять стихами и напѣвомъ забытое, хотя при однообразіи эпическаго склада сдѣлать это не представляетъ, повидимому, большого труда. (Гил. стр. XXIII.) Тотъ же Гильфердингъ завѣряетъ, что при несомнѣнномъ различіи въ достоинствѣ сѣверно-русскихъ пѣвцовъ былинъ «всѣ безъ исключенія вѣрно выдерживаютъ характеры дѣйствующихъ въ былинахъ лицъ» (ib., стр. XXII). Такимъ образомъ Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и другіе богатыри постоянно выступаютъ съ одними и тѣми же чертами своего характера, хотя подробности пересказовъ объ ихъ подвигахъ передаются то полнѣе, то короче (ib. стр., XXII) Строгая литературная критика не можетъ, конечно, признать полной достовѣрности на-

блюденій Гильфердинга, но все же наблюденія эти даютъ основаніе признать устойчивость преданій народнаго творчества, а отсюда и старобылость воззрѣній, содержащихся въ былевыхъ пересказахъ. Къ этому должно прибавить, что обстановка дѣйствія въ былинахъ кіевскаго цикла не находитъ соотвѣтствія въ современной исторической и бытовой обстановкѣ Сѣверной Руси и особенно Онежскаго края, гдѣ лучше всего сохранились былины, а потому обстановка эта могла удержаться въ пѣсняхъ современныхъ сказателей, лишь какъ преданіе, какъ память невозвратимой древности. Достаточно напомнить, что Кіевъ давно утратилъ значеніе центра политической жизни Россіи; между тѣмъ, дѣйствіе былинъ кіевскаго цикла неизмѣнно происходитъ въ Кіевѣ и около Кіева. Современные сказатели или рапсоды также очень часто отказываются объяснить не только мѣста дѣйствія, но и животныхъ и птицъ, о которыхъ упоминается въ былинахъ, согласно оговариваясь, что такъ пѣли ихъ отцы и дѣды, такъ поютъ и они. Все это говоритъ лишь о томъ, что въ былевомъ эпосѣ, какъ онъ сохранился до этого времени, есть основаніе усматривать очень древнія понятія и воззрѣнія.

Но намъ могутъ указать, что народный былевой эпосъ чуждъ хронологическихъ пріуроченій, что время Владиміра стольнокіевскаго скрываетъ за собою громадный

періодъ русской исторіи, что былевой Владиміръ мало напоминаетъ собою историческихъ Владиміровъ, Святого и Мономаха, какъ ихъ изображаетъ лѣтопись, что, слѣдовательно, былевая поэзія не можетъ служить надежнымъ матеріаломъ для воспроизведенія понятій и воззрѣній русскаго народа. Въ свою очередь, укажемъ, что для возможности выводовъ о характерѣ старорусскихъ воззрѣній *на личность Царя*, на основаніи былевой поэзіи, вовсе не требуется, чтобы былевой Владиміръ представлялъ точное воспроизведеніе Владиміра Святого или же Мономаха; напротивъ, чѣмъ менѣе давленія оказываетъ дѣйствительная исторія на мысль и фантазію народа, тѣмъ нагляднѣе и полнѣе должны выступать собственныя понятія и воззрѣнія народа, какъ они опредѣлились исторически-бытовыми условіями.

Народныя воззрѣнія на личность Батюшки-Царя, какъ они выразились въ былевой поэзіи, чрезвычайно своеобразны. Для надлежащаго понимавія ихъ необходимо разъ навсегда обособить былевую поэзію народную отъ того былевого эпоса, который обычно извѣстенъ подъ именемъ дружиннаго. Этотъ послѣдній существовалъ и на Руси. Блестящимъ образцомъ его можетъ служить извѣстное «Слово о полку Игоревѣ». Къ тому же дружинному эпосу принадлежали и пѣсни Баяна, о которомъ упоминаетъ авторъ «Слова о полку Игоре-

вѣ». Остаткомъ древнерусскаго дружиннаго эпоса служитъ и сказаніе начальной лѣтописи объ Олегѣ и Святославѣ. Особенность этого рода эпоса состоитъ въ томъ, что дружинныя сказанія слагаются въ честь извѣстнаго героя князя, который, поэтому, и заслоняетъ своею личностью дружину и землю. Онъ не столько поддерживаетъ нарядъ русской земли или отдѣльнаго княжества, сколько воинствуетъ за свою землю или во имя ея. Поэтому князь въ дружинномъ эпосѣ выступаетъ во всеоружіи личнаго геройства и храбрости, дѣлитъ съ дружиною всѣ трудности походовъ, является ея главою и первымъ бойцомъ. Не то въ поэзіи народной. Тяжесть обороны русской земли здѣсь падаетъ на богатырей, Владиміръ же стольно-кіевскій рѣшительно никогда не выступаетъ участникомъ богатырскихъ поѣздокъ, обычно находится въ Кіевѣ и какъ будто только и озабоченъ тѣмъ, чтобы учествовать богатырей. Такое исключительное положеніе былевого Владиміра совершенно не отвѣчаетъ характеру историческихъ Владиміровъ, Святого и Мономаха, что и было многократно отмѣчено въ наукѣ, но сколько нибудь удовлетворительнаго объясненія этому явленію не указано.

По нашему мнѣнію, причина столь рѣшительнаго уклоненія народа въ пониманіи личности Владиміра отъ сказаній нашихъ лѣтописей заключается въ томъ, что, такъ

называемая, народная былевая поэзія была созданіемъ не безпокойной и воинственной дружины, а мирной народной массы. Масса эта, обычно занятая въ историческую пору обработкой земли, не могла раздѣлять увлеченій дружины воинственнымъ характеромъ князя. Земледѣльческая страна, какою искони была Русь, не можетъ жить ни войной, ни для войны. Для нея прежде всего требуется прочно установленный нарядъ земли, который обезпечивалъ бы мирную жизнь и занятіе земледѣльца. Въ этомъ отношеніи замѣчательный разсказъ нашей начальной лѣтописи о призваніи князей получаетъ свой смыслъ и значеніе. «Земля наша велика и обильна», говорили новгородскіе славяне:—«а *порядку* въ ней нѣтъ, пойдите княжить и *владѣть* нами». Такимъ образомъ, новгородскіе славяне ищутъ себѣ князя прежде всего и главнымъ образомъ для земскаго наряда, для поддержанія *порядка* въ землѣ, а вовсе не для военныхъ цѣлей. Въ этомъ смыслѣ въ интересахъ и наклонностяхъ народной массы и дружины существовало мало точекъ соприкосновенія Народная масса не стремится ни къ политическому, ни къ общественному преобладанію, ни даже къ матеріальному обогащенію. Поэтому былевой Илья Муромецъ, этотъ богатырь крестьянинъ, отказывается отъ атаманства и воеводства, отказывается даже отъ «зарабочаго», когда черниговцы, благодарные ему за спасеніе

города, предлагаютъ въ награду золото, серебро и скатный жемчугъ. Тотъ же Илья, когда въ одной изъ своихъ извѣстныхъ трехъ поѣздочекъ находитъ груды золота и серебра, не обогащается самъ лично, а употребляетъ найденное сокровище на постройку церквей и монастырей, оставшееся же богатство вкладываетъ на поминъ души, но не своей, а тѣхъ, кому принадлежало найденное богатство. Совершенно иное мы замѣчаемъ въ дружинѣ. Большая часть ея военныхъ подвиговъ вызывалась именно жаждою обогащенія. Та же дружина имѣла поземельную собственность, но сама обработкой земли не занималась, а предоставила этотъ трудъ крестьянской массѣ, себѣ же оставила благородное занятіе—войну. Столь рѣшительное различіе бытовыхъ понятій народной массы и дружины должно было неизбѣжно отразиться и на идеалѣ князя, какъ выразился этотъ идеалъ въ созданіяхъ дружиннаго и народнаго былевого творчества. Народъ, впрочемъ, понималъ и то, что при существованіи враждебныхъ сосѣдей, будутъ-ли то кочевники или осѣдлые народы, военныя столкновенія неизбѣжны; необходима поэтому охрана земли отъ внѣшнихъ враговъ; но народъ съ тѣмъ вмѣстѣ понималъ и то, что одинъ князь лично не можетъ защитить страны, что невозможно одновременно поддерживать и земскій нарядъ, и быть постоянно на войнѣ, что страна сама

должна дать князю силы для внѣшней обороны земли. Эта земская оборонительная и наступательная военная сила воплотилась въ богатырствѣ. Во взаимномъ отношеніи земли и богатырей съ одной стороны и князя съ другой и раскрываются своеобразныя понятія народа о личности Владиміра стольно-кіевскаго.

Въ представленіи о землѣ русской, ея нарядѣ и личности князя народъ естественно могъ выходить изъ своихъ бытовыхъ понятій. Русская земля представлялась ему, какъ громадная семья, во главѣ которой стоитъ князь отецъ. Поэтому въ обращеніи къ князю Владиміру богатыри постоянно называютъ его то *государемъ батюшкой*, то просто *батюшкой*, какъ и доселѣ народъ называетъ Государя-*Царемъ-Батюшкой*. Этотъ былевой эпитетъ князя Владиміра вполнѣ отвѣчаетъ привѣту, съ которымъ, напр., Илья Муромецъ обращается къ своему отцу при отъѣздѣ въ Кіевъ: *государь мой батюшка*! (Рыб. II, 324). Перенесеніе на личность князя Владиміра семейныхъ понятій повело къ усвоенію ему и ласкательныхъ эпитетовъ: *Свѣтъ*, *Солнышко* или *Красное Солнышко*. Эпитеты эти также вполнѣ отвѣчаютъ и доселѣ очень употребительнымъ въ сѣверно-русскомъ простонародномъ семейномъ быту привѣтствіямъ: *свѣтикъ*, красное мое солнышко. Въ привѣтствіяхъ такого рода, конечно, нѣтъ ничего миѳологическаго, и въ примѣненіи къ

князю Владиміру они означаютъ, что въ отношеніи къ своимъ дѣтямъ вѣрноподаннымъ онъ точно также является источникомъ свѣта радости и тепла, какъ и отецъ въ отношеніи къ остальнымъ членамъ семьи. Если, далѣе, принять во вниманіе, что въ семьѣ полнота правъ принадлежитъ лишь главѣ семьи-отцу, то для насъ станетъ вполнѣ понятно, что остальные члены семьи наклонны видѣть въ числѣ идеальныхъ качествъ, украшающихъ отца, ласковость въ обращеніи. Отсюда и былевой князь Владиміръ постоянно украшается эпитетомъ *ласковый*: Илья ѣдетъ «ко *ласковому* князю ко Владиміру» (Гил., ст. 16); богатыри живутъ «при *ласковомъ* князѣ при Владимірѣ» (ст. 347).

Въ свою очередь, государственное положеніе князя Владиміра, его дѣятельность и отношеніе къ землѣ наилучшее освѣщеніе свое находятъ именно съ точки зрѣнія семейныхъ понятій народной массы По общеславянскому древнему понятію, порядокъ въ семьѣ можетъ поддерживаться лишь въ томъ случаѣ, когда главенство и нарядъ будутъ принадлежать одному лицу—старѣйшинѣ. Въ соотвѣтствіе этому Владиміръ стольно-кіевскій является единовластнымъ правителемъ Россіи. Эта идея единовластія князя Владиміра развита въ нашемъ былевомъ эпосѣ въ высшей степени достопримѣчательно. Владиміръ выступаетъ въ былинахъ не только безсмѣннымъ, но и не

имѣющимъ мужескаго поколѣнія, которому бы могъ передать свою власть хотя впослѣдствіи. Вопреки свидѣтельству нашихъ лѣтописей о сыновьяхъ Владиміра Святого и Владиміра Мономаха, былевой эпосъ говоритъ лишь о дочери и еще чаще о племянницѣ Владиміра. Былины знаютъ и князей, кромѣ самого Владиміра, но князья эти выступаютъ обычно участниками пировъ Владиміра, его совѣтниками, но не имѣютъ самостоятельныхъ и независимыхъ удѣловъ. Чрезвычайно рѣдко упоминаются въ былинахъ подколѣнные князья (Гил., ст. 442), при томъ также безъ указанія удѣловъ. Города и пригороды, села со приселками, которыми Владиміръ награждаетъ, между прочимъ, и князей, суть не иное что, какъ вотчины, и какъ таковыя, ничѣмъ не отличаются отъ вотчинъ, жалуемыхъ Владиміромъ боярамъ и самимъ богатырямъ. Ясно, что Владиміръ стольно-кіевскій является въ сознаніи народа единственнымъ воплотителемъ идеи власти въ русской землѣ.

Какъ единственный представитель власти земли, Владиміръ является главнымъ центромъ, около котораго вращается политическая жизнь страны; отъ него исходятъ всѣ распоряженія, ему даются отчеты о дѣйствіяхъ богатырей и другихъ лицъ. Поэтому представленіе Владиміра какъ бы спокойнымъ зрителемъ совершающагося вокругъ него и только занятымъ своими

пирами будетъ не справедливо. Для надлежащаго пониманія былевого Владиміра и въ этомъ случаѣ опять таки необходимо принимать во вниманіе бытовыя понятія народа. Какъ въ семьѣ старѣйшина, обычно человѣкъ пожилой, важенъ не личнымъ участіемъ въ работахъ, а своимъ опытомъ, указаніемъ и распорядительностію, такъ и былевой Владиміръ никогда не выступаетъ участникомъ боя, а лишь иниціаторомъ дѣятельности подручныхъ ему людей. Народъ какъ бы хотѣлъ выразить, что охрана границъ и самое поддержаніе порядка внутри страны не можетъ осуществиться безъ помощи самой земли, а потому окружаетъ Владиміра съ одной стороны богатырями, какъ нарочитыми защитниками внѣшней цѣлости и самостоятельности государства отъ враждебныхъ покушеній сосѣдей; съ другой—князьями и боярами, какъ совѣтниками того же Владиміра.

Въ этомъ случаѣ самое пированіе Владиміра, длящееся, какъ извѣстно, по цѣлымъ днямъ и недѣлямъ, не порождено лишь его благодушіемъ, какъ думается нѣкоторымъ, а служитъ достоинствомъ гостепріимнаго хозяина земли русской, скажемъ болѣе—является дѣломъ общегосударственнымъ. Явиться на пиръ Владиміра могъ каждый, но обычными его участниками были сословія служилыя: князья, бояре и осо-

бенно богатыри. Обыкновенное описаніе этихъ пировъ таково:

Славный Владиміръ стольнё—кіевскій
Собиралъ-то онъ славный почестенъ пиръ
На многихъ князей онъ и бояровъ,
Славныхъ сильныхъ могучіихъ богатырей.
(Гил., ст. 458).

Народная масса, не стремясь къ политическому преобладанію выступаетъ однако въ числѣ служилыхъ сословій государства въ лицѣ своего богатыря Ильи Муромца. Интересно въ этомъ случаѣ то явленіе, что народное сознаніе гораздо раньше создало всесословную воинскую повинность, чѣмъ осуществило наше время. Въ числѣ богатырей мы находимъ Добрыню Никитича, роду княженецкаго, Василія, сына боярскаго, Алешу Поповича и Илью Муромца, сына карачаровскаго крестьянина. Такова ли была дѣйствительная родословная названныхъ богатырей, это дѣло безразличное; для насъ важно то, что народъ вводитъ въ составъ богатырей представителей всѣхъ тогдашнихъ сословій. Не менѣе важно и то, что преобладающее значеніе между богатырями народъ отвелъ именно богатырю крестьянину, «мужичищу деревенщинѣ», котораго однако и самъ Владиміръ стольно-кіевскій, и его дочь называютъ истиннымъ оберегателемъ родной земли (Гил., ст. 445, 447).

Въ отношеніи ко всѣмъ этимъ служилымъ людямъ участіе въ пирахъ Владиміра является своего рода государственнымъ содержаніемъ, и какъ таковое понимается и

самими богатырями (Гил., ст. 304, 451), потому что награды городами и селами выступают въ былинахъ скорѣе, какъ экстраординарныя награды за выдающуюся услугу государству.

На тѣхъ же пирахъ происходятъ совѣщанія по общегосударственнымъ вопросамъ, и «накидывается» на богатырей служба, какъ, напр., получить дань за 12½ лѣтъ съ большой орды Каменной, съ меньшой Золотой орды и съ земли Подольской (Гил., ст. 47), или же выручить отъ змѣя племянницу князя Забаву Путятишну (Гил., ст. 33). Поэтому-то случалось, что среди общаго пирового веселья одинъ только Владимiръ князь сидѣлъ «кручиноватъ», занятый мыслiю то о невзгодахъ государства, то о несчастiяхъ въ своей семьѣ (Гил., ст. 31).

Очевидно, что народъ, заставляя стольно-кiевскаго князя вѣчно пировать, выступать въ роли гостепрiимнаго хозяина земли русской, хотѣлъ только придать ему новую, дорогую нашему народу черту—«Кормильца» земли русской. Эпитетъ этотъ, какъ хорошо извѣстно, народъ и доселѣ усвояетъ своему *Батюшкѣ—Царю*. Ясно съ тѣмъ вмѣстѣ и то, что пированье любимаго князя въ глазахъ народа не было нарушенiемъ его отношенiй къ землѣ и не исключало возможности исполненiя его сложныхъ обязанностей; напротивъ, здѣсь-то онъ одного судилъ (Гил., ст. 336 и 338),

другому отдавать приказъ (Гил., ст. 47), отъ третьяго выслушивалъ отчетъ о его богатырскомъ подвигѣ (ст. 336), съ иными обсуждалъ разныя мѣропріятія (ст. 342, 343, 234). Такимъ образомъ, Владиміръ въ сознаніи народномъ былъ съ тѣмъ вмѣстѣ и княземъ мудрымъ и дѣятельнымъ.

Но пиры Владиміра имѣли еще одно значеніе: на нихъ выступали новыя государственныя силы, сюда обычно являлись новые богатыри, которые предлагали Владиміру свои услуги, изъявляли желаніе послужить родной землѣ и ея представителю, стольному князю кіевскому. Илья Муромецъ, появляясь въ первый разъ въ Кіевѣ, кричитъ громкимъ голосомъ:

„Ужъ ты, Батюшка Владиміръ князь!
Тебѣ надоль насъ, принимаешь ли
Сильныхъ могучихъ богатырей,
Тебѣ, батюшкѣ, на почесь, хвалу,
Твоему граду стольному *на изберечь*."

На это Владиміръ отвѣчаетъ:

„Да какъ васъ не надо-то?
Я вездѣ васъ ищу, вездѣ спрашиваю"
(Мил. 311.).

Это трогательное исканіе людей, полезныхъ государству, сопровождается у Краснаго Солнышка ласковой и щедрой наградой дѣйствительнаго подвига въ пользу русской земли. Владиміръ, по былинамъ, беретъ тогда богатыря «за руки бѣлыя», цѣлуетъ «во уста сахарныя», жалуетъ на выборъ «городами съ пригородками, селами съ приселками и безсчетной золотой каз-

ной». сажаетъ на мѣсто отборное. Отсюда въ пониманіи народной массы Владиміръ стольно кіевскій является воплощеніемъ интересовъ родины, стоятелемъ и оберегателемъ русской земли, защитникомъ вѣры и христіанской святыни. Замѣчательно, что эту полную преданность Владиміра родной землѣ никто не понимаетъ въ такой степени, какъ тотъ же народный богатырь Илья Муромецъ. Случается, что Илья чувствуетъ себя обиженнымъ, но когда онъ видитъ, какъ въ пору невзгоды князь Владиміръ убивается о судьбѣ русской земли и стольнаго Кіева, то достаточно для него бываетъ слышать отъ Краснаго Солнышка, что

„Нашъ-то Кіевъ градъ въ полону стоитъ,
Обошолъ собака Калинъ царь нашъ Кіевъ градъ
Со своима со войскамы со великима",

достаточно услышать отъ Владиміра призывъ:

„А постой ко ты за вѣру, за отечество,
И постой-ко ты за славный Кіевъ градъ,
Да постой-ко за матушки божьи церквы,
Да постой-ко ты за князя за Владиміра,
Да постой-ко за Опраксу королевичну"
(Гил. 448),

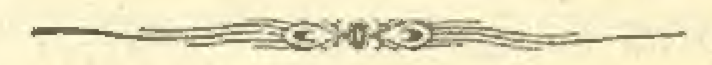
какъ Илья спрашиваетъ:

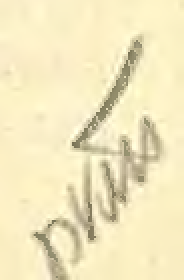
„А что, Владимеръ, князь, на Русью сдѣлалось?"

и немедленно отправляется избивать войска Калина. Илья хорошо понимаетъ, что въ лицѣ князя Владиміра онъ видитъ печальника русской земли, ея хранителя.

Такъ-то нашъ русскій народъ искони смотрѣлъ на личность своего государя. Онъ видѣлъ въ немъ любящаго отца, Красное Солнышко, ласковое ко своимъ дѣтямъ, единодержавнаго властителя государства, гостепріимнаго хозяина русской земли, умѣющаго учествовать своихъ и чужихъ, своего родного «кормильца»-государя, чуткаго ко всякой силѣ, способной служить землѣ, будетъ ли то князь, боляринъ, поповичъ или мужикъ-деревенщина,—государя, внимательнаго въ дѣйствительной заслугѣ предъ отечествомъ,—правителя, мудраго, дѣятельнаго, всецѣло преданнаго интересамъ своей земли, ея хранителя и защитника, поборника православной вѣры и христіанской святыни.

Къ сказанному прибавимъ, что фактъ царскаго освященія личности русскаго вѣнценосца также не прошелъ безслѣдно для народнаго сознанія. Событіе это народъ относитъ ко времени царя Грознаго. Съ этого времени титулъ князя постоянно замѣняется въ народной поэзіи титуломъ царя, къ которому, однако, неизмѣнно прибавляется эпитетъ *батюшка*, во свидѣтельство того, что сыновняя преданность народа къ своему царю не измѣнилась отъ времени и продолжаетъ сохранять свой стародавній характеръ.

Дозволено цензурою. Кіевъ 26 октября 1890 г.

2007099386